Тимур Темников
Она даже не была толком уверена в том,
кто отец ребенка.
И зачем он вообще ей нужен.
ИНКУБАТОР
ТЬМЫ

Тимур Темников

Инкубатор тьмы

Серия «Детектив-драма. За закрытыми дверями»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68730747
Инкубатор тьмы:
ISBN 978-5-04-180059-8

Аннотация

Трупы всплыли с разницей в месяц. Почти в одном и том же месте. Без документов. Без особых примет. Без следов насилия. Нигде по базам не проходили. Словно свалились из ниоткуда.

Экспертиза установила – это были молодые девушки. У всех в крови нашли алкоголь в гигантском, невозможном количестве промилле. Но самое странное – в затылочной части каждого трупа остался след от пункции. Похоже на работу серийного маньяка.

Частный сыщик Сергей взялся за это дело, так как бизнесвумен Анна пообещала ему просто фантастический гонорар – свой роскошный особняк в собственность. И первые же результаты его расследования показали, что почти все жертвы работали в полулегальной фирме суррогатного материнства. Но не это удивило сыщика больше всего. Сергей вдруг интуитивно почувствовал, что заказчица Анна давно знает убийцу…

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Тимур Александрович Темников
Инкубатор тьмы

© Темников Т. А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

«Коллизия, – шептала Лиза, – это столкновение норм права, регулирующих одни и те же общественные отношения». Монитор старенького компьютера подвисал. Девушка едва шевелила губами. Тихо повторяла фразу из электронного учебника. Раскачивалась в такт словам на скрипучем деревянном стуле. «Сейчас снова заплачет», – одновременно думала она. Оттого слова определения не складывались в голове, не запоминались.

«Давай, Лизон, давай, учись, – заставляла она себя. – Это единственный шанс выбраться из клоаки, в которой ты живешь». Она посмотрела на кроватку у стены. Перекладины ее были завешены зеленым фланелевым одеялом, и что происходило за ним, не видно. Лиза посмотрела чуть выше. Плакат с изображением Билли Айлиш над кроватью закрывал кусок вырванных когда-то обоев.

– Что, подруга, – заговорила девушка, – я права?

Серые глаза Билли смотрели не мигая.

– Да знаю я, что из тебя собеседница так себе, – ухмыльнулась девушка.

В кроватке кто-то зашевелился и заплакал.

– Опять. Как же ты мне надоел! – рыкнула Лиза.

Она встала со стула, подошла и достала из кроватки бутылку с молочной смесью. Посмотрела через нее на лампоч-

ку под потолком. Прищурила глаз. Определила уровень жидкости. Достала плачущего ребенка. Со вздохом уложила на руки и сунула ему соску в рот. Она наблюдала, как тот жадно хватает губами резиновый наконечник и звучно чмокает и глотает содержимое.

«Зачем я это сделала? – думала Лиза, глядя на маленькую, с зажмуренными глазами физиономию. – Не будет никому хорошо – ни ему, ни мне».

Ребенок затих, причмокивая теплую смесь. Когда звуки прекратились, девушка решила, что ребенок заснул, и попыталась уложить его в кровать. Раздался плач. Лиза, стиснув зубы, снова стала качать малыша. Потом, нараспев, словно колыбельную, заговорила:

– Все-все. М-м-м. Плакать быстро переста-ем. А то мама разозлится. Будет всем не хо-ро-шо.

Малыш притих. Девушка аккуратно положила его обратно в кроватку. Повернула ребенка на бок. Вставила в рот пустышку. Грустно хмыкнула, глядя на маленькое личико. Тихонько вернулась к скрипучему стулу. Села. Достала из ящика стола наушники. В телефоне нашла песню. Билли запела про хороших девочек и про то, что все они попадают в ад. Лиза смотрела на деревянную фрамугу окна. Думала о том, что нужно заработать денег и поменять окна на пластиковые.

За окном вечер весны набирал оттенки. Впитывал их. Смешивал на своей палитре. Потом накладывал мазки на нарастающий закат. Добавлял все больше и больше темного.

– She'll want the Devil on her team, – подпевала Лиза шепотом.

Ребенок снова заплакал. Дверь в комнату распахнулась, и в нее ввалился пьяный отчим.

– Сколько можно! – закричал он. – Твой байстрюк до утра орать будет? Мне надоело слышать его сопливые вопли!

Он шагнул к девушке и вырвал наушники. Телефон запел на всю комнату. Лиза вскочила со стула от неожиданности, которая сразу превратилась в злость.

– Ах ты урод! Ты что орешь! Он бы спал, если бы ты, сволочь, тут не шатался! Нажрался опять! Пьянь! – Лиза замахнулась на него.

– Ты не смей на меня орать, профурсетка. Как ты, дрянь, с отцом разговариваешь?! – заплетался языком отчим.

Его пошатывало на нетвердых ногах из стороны в сторону. Руки неестественно болтались в такт раскачиваниям.

Лиза шагнула к кроватке и начала качать за спинку. Скривила лицо, дразня плачущего сына. Кровать скрипела и тряслась в дрожащих, нервных руках.

– Каждый вечер одно и то же! Я к сессии готовлюсь. Убирайся из моей комнаты. Козел!

– М-м! К сессии?! – кривлялся отчим. Он причмокнул губами и повращал ими, как диктор перед выступлением. – Да тебя, проститутку, давно нужно в три шеи из института гнать. Сидите оба на моей хребтине. Ты и ублюдок твой. Где его папаша? Спрашиваю?

Где его папаша, Лиза хотела бы знать сама. Или не хотела. На вечеринке в честь окончания первого курса она напилась в дым. Познакомилась с каким-то полубогатеньким буратино там же, в периферийном ресторане. А потом она и ее подруги поехали с ним и парочкой похожих буратин в сауну. Потому что хотелось продолжения банкета, икры, игристого вина и удовольствий. Она всегда предохранялась. Но что-то пошло не так. С презервативами, по уверению изготовителей, было все в порядке. Но каким-то непостижимым образом Лиза забеременела. Узнала об этом через месяц. Заволновалась в середине июля. Когда ее регулярный цикл не выдал ожидаемых месячных. Этого быть не могло. Потому что ее физиология работала как часы с самого юного возраста. Лиза следила за своим женским здоровьем больше, чем за всем остальным. Поэтому на второй день отсутствия менструаций купила тест, чтобы прийти к врачу на прием уже с наличием отрицательного результата. Она была уверена.

Каково же было ее замешательство, когда она увидела две полоски вместо одной! В то время, почти год назад, Лиза подрабатывала курьером. Потому на следующий день она методично скупила по упаковке различных тестов в тех аптеках, что встречались ей на пути. Все тесты показали наличие беременности.

Участковый гинеколог спросила, будет ли Лиза делать аборт. Лиза ответила, что подумает. Сейчас же считала, что нужно было соглашаться сразу, и не понимала, почему ре-

шила оставить ребенка.

Возможно, на это повлияла недавняя смерть ее матери. Ей казалось каким-то символом – забеременеть через год после маминой кончины. Звучит, конечно, нелогично, иррационально. Но человек такое существо, которым иррациональное движет в большей степени, чем каким-либо другим животным. Символы. Эмоции, с ними связанные. Запахи, вдруг вызывающие откуда-то из глубин бессознательного воспоминания о давно ушедших, забытых, но, видимо, важных для личности событиях и ощущениях.

Лиза не сделала аборт. Отчим не возражал. Девушка наблюдалась регулярно и беременность выносила ровно. Перевелась на заочный.

Два месяца назад родила мальчика. Когда ей показали ребенка, она вдруг решила от него отказаться и попросила не приносить в палату. Акушеры понимали, что всякое бывает после родов. Сильно настаивать на изменении решения не стали, надеясь, что скоро одумается сама. Первый день Лиза лежала в палате и смотрела на мамочек, которые тыкали в моськи своих детишек теплыми мягкими сиськами. Детки, как слепые котята, ловили их жадными ртами и глотали молоко.

– Как оно? Приятно? – спросила Лиза у молоденькой мамаши напротив.

– Очень, – ответила та и посмотрела на нее то ли с сочувствием, то ли с гордостью.

На следующее кормление Лиза лежала рядом со своим пацаном. Сестра помогла ей принять правильную позу, и мальчишка сам нашел ее розовый сосок. Поначалу было щекотно, потом привыкла. Особого удовольствия не испытывала. Смотрела на маленькую рожицу и думала о том, как жить дальше. Понятно, что учиться на очном она больше никогда не сможет. С отчимом ребенка не оставишь. Он подбухивает на регулярной основе.

«Есть еще шанс отдать тебя, – думала она, глядя на сына. – Может, кем-то путным вырастешь. Зачем нищету плодить?» Она не чувствовала того, что вдруг захотела почувствовать, когда все же решила покормить малыша. Не было любви к этому маленькому человеку, который сейчас вцепился беззубым ртом в ее грудь и, закрыв глаза, сквозь сон потягивал молоко.

– Он же у тебя недокормленный будет, – сказала сестра, войдя в палату. – Нужно будить, вот так. – Она слегка потрогала ребенка за щеку, тот приоткрыл глаза и засосал быстрее. – Но теперь уже некогда. Давай заберу. Докормим смесью. – Она сложила в свои руки еще пару упакованных в пеленки детишек. Вынесла их в открытую дверь и сложила на белую пластмассовую тележку.

– А это не твоего ума дело, задумываться, где его папаша, – орала Лиза на отчима. – А знаешь что?

– Что? – кривлялся совсем запьяневший отчим. – Ты вся в мать. Такая же простигосподи. Принесла в подоле. А я те-

перь обеспечивай, корми, пои, еще и ночью баюкай. Мне такая жизнь уже во где. – Отчим указал ребром ладони на свой кадык. – Я пенсионер. Я старый человек. Я воевал. У меня кон-ту-зи-я, – проскандировал он последнее слово.

– Да пошел ты знаешь куда.

Лиза быстро подошла к шкафу. Открыла его и достала оттуда юбку, колготки, сняла с плечиков рубашку. Стащила с себя спортивный костюм.

– Отвернись! – крикнула она.

Отчим послушно отвернулся лицом к окну. Лиза переоделась белье и натянула колготки.

– Ты меня не попрекай. Я до последнего подрабатывала. А вот ты бы, к пенсии своей, работать пошел. Ты же молодой мужик. Тебе же едва за пятьдесят. Контуженный он. У тебя не от контузии проблемы. У тебя, мой дорогой папаша, от водки проблемы. – Лиза натягивала блузку. – И не трогай мою мать!

Ребенок, как ни странно, лежал в кроватке молча. Он иногда вел себя парадоксально. Отчим после слов про мать вдруг успокоился. Открыл пошире глаза. Перестал раскачиваться. Будто протрезвел.

– Я повернусь? – спросил он и, не дожидаясь ответа, повернулся лицом к Лизе. Сел на стул.

– Уже, – громко сказала девушка, – вижу, уже повернулся.

Она достала косметичку, встала перед зеркалом и принялась наносить макияж.

– Что ты понимаешь, – заговорил отчим, – знаешь, как я твою мать любил? Мою Машеньку. Разве бы я удочерил тебя? А, дочка, разве удочерил бы?

Лиза посмотрела на него с легким отвращением:

– А куда тебе было деваться? – Она уже не злилась. – Кому ты такой нужен-то был? Герой. Если бы не мать, ты бы давно уже вместо нее на кладбище лежал. Или ночевал в канаве. А сейчас, видишь, в моей квартире, в тепле.

Тут мужчина встрепенулся:

– А ты куда, дочь? Куда ты собираешься? А как же мы? Сынок твой?

Лиза подошла к сидящему отчиму и положила ему руку на волосы. Погладила его, как гладят собак. Потрепала. Отчим сидел неподвижно и смотрел в ее глаза. Он даже слегка улыбнулся.

– Вот что, папа, – заговорила Лиза, – ты мне надоел.

Отчим часто заморгал, будто хотел скрыть слезы, собравшиеся в его глазах.

– Я ухожу, – продолжала Лиза. – Мне учиться надо. Жизни учиться. А ты будешь хорошим дедушкой. Очень хорошим дедушкой. – Лиза слегка сжала его волосы в кулаке. – И если я узнаю, что ты был не очень хорошим дедушкой, а еще хуже, совсем плохим, то отец твоего внука освободится и сделает тебе совсем больно. Понял? Папа.

Отчим не знал про отца ребенка ничего, потому Лиза не стеснялась манипулировать и запугивать.

– Так как же я один с ним?

Отчим махнул рукой в сторону кроватки.

Ребенок ни разу не заплакал за все время. Будто слушал внимательно и ждал развязки событий. Лиза достала рюкзак из-под стола. Сложила в него пару сменного белья, шерстяные носки, косметичку. Принесла зубную щетку. Все побросала в кучу. Схватила куртку уже на выходе.

– Как, дочь?! – услышала она дрожащий тихий голос отчима.

– Поцелуй его за меня! – крикнула она громко и хлопнула дверью.

Отец подошел к кроватке. Ребенок лежал, размахивал ручками и рассматривал потолок. Мужчину еще слегка покачивало, но он старался держаться под грузом ответственности.

– Видишь, мамка-то твоя вся в бабушку пошла, – заговорил отчим, улыбаясь. – Та тоже была вздорной и красивой. А когда человек красивый, ему всегда хуже, чем другим, приходится. – Дед взял ребенка на руки и положил его голову себе на плечо. – Потому как у него соблазнов больше.

Глава 2

Сергей поднимался в офис. Он снял его пару месяцев назад почти в центре города. Небольшой, но презентабельный. Еще двумя месяцами раньше его, тридцатишестилетнего майора, попросили убраться из следаков за то, что он не поделился взяткой с вышестоящим начальством. Сергей думал – проканает. Не случилось. Выгнали тихо. Без скандала. А могли бы и посадить.

Потому Сергей не сильно расстраивался. Потратил немного денежек на лицензию частного сыщика. Получил ее в положенный срок – сорок пять дней. Снял офис в центре и следил за неверными мужьями.

У него была назначена встреча на вечернее время. Днем он отсыпался после вчерашней ночи. Пришлось пошататься по паре клубов для тех, «кому за», но деньги есть. Потом зайти в одну гостиницу, где муж клиентки, седенький пятидесятилетний дрыщ, проводил время со своей спутницей, молодой да ранней студенткой МГУ. Фотографии о похождениях престарелого ловеласа Сергей снял сразу на телефон и слил их ревнивой жене в прямом эфире. В номер гостиницы она отправилась уже одна, предварительно сбросив гонорар Сергею на карточку.

С улыбкой на лице и чувством хорошо выполненной работы он прошел к лестнице через коридор гостиницы мимо

номера, в котором благодаря его талантам и умениям разыгрывалась семейная трагедия в стиле «опять ты, скотина».

Он, слушая крики за дверью, подумал: «Если человек не понимает с первого раза, со второго и с третьего, зачем его дальше-то исправлять? Ты уж определись. Не хочешь с ним жить – не живи. Хочешь – не забивай себе голову мелочами. Все равно вернется. Куда он денется от пары десятков лет совместной жизни и общего имущества? Не делить же».

Но это все в дне вчерашнем. Или, точнее, в прошлой ночи. Сергей повозился с ключами. Замок щелкнул и легко поддался. Наполовину закрытые жалюзи пропускали вечерние сумерки и укладывали их ровными полосками на рабочий стол. До прихода клиента оставалось еще минут тридцать.

Детектив опустился в кресло. Закинул ноги на стол. Достал сотовый. Новостная лента вмещала в себя тонны информации: что сказал президент, как отреагировал МИД и кому показал средний палец, кто что кому продал и за какие деньги, ну и, конечно, обсуждался беспрецедентный взлет биткоина. В закладке «Происшествия» была новость о том, что на юго-востоке Москвы обнаружен труп девушки. Труп выловлен из Москвы-реки спасателями МЧС. Не опознан. Возбуждено следствие.

«Интересно», – подумал Сергей. Несколько лет назад, когда он еще был капитаном, на юго-востоке за одно лето выловили пару таких трупов без следов насилия, но с большим количеством промилле алкоголя в организме. Это были мо-

лодые девчонки лет по двадцать пять плюс-минус. Их так и не удалось опознать. Сергей имел предположения, что это не случайность, но сильно упорствовать по этому поводу не стал. Висяки никому не нужны. Дела быстро закрыли за отсутствием состава преступления.

– Теперь пусть другие думают, связаны ли эти смерти или нет, – вслух произнес он, когда в дверь постучали.

Он убрал ноги со стола, смахнул мусор, нападавший с туфель, и включил ноутбук. Потом подошел к двери и сам открыл ее.

На пороге стояла женщина лет сорока пяти. Несмотря на длинные шпильки, она все равно была невысокого роста. Выглядела дорого и заставляла поверить окружающих, что сексуально. Короткая стрижка, подтянутая кожа, легкий загар, сканирующий взгляд карих глаз, темный брючный костюм, подчеркивающий фигуру, и дорогая сумка через плечо. Сергей подумал, что для полноты картины здесь не хватает длинного мундштука и хрипловатого покашливания вслед за выпущенной струйкой дыма.

– Сергей? – спросила женщина.

«С голосом все отлично. Поставленный. С легкой хрипотцой», – подумал он, кивнул утвердительно и пригласил ее жестом в кабинет.

– Садитесь, – указал он на кресло напротив стола. – Будете что-нибудь пить? Воду, чай, кофе?

– Воды, я думаю, – ответила женщина, – и еще вот что…

Сергей смотрел на нее выжидающе.

– У вас здесь курят? – спросила она. – Я понимаю, закон и все такое.

– Вообще нет, – ответил детектив, доставая пластиковую бутылку из холодильника. – Но для вас можно. Я, признаюсь, сам позволяю себе иногда покурить в кабинете. – Он подал ей пепельницу, раздвинул жалюзи и открыл часть окна.

Женщина достала мундштук и тонкие сигареты. Сергей в душе порадовался своей проницательности, которая позволяла считывать клиентов еще до того, как они откроют по делу рот.

Он посмотрел в ноутбук, чтобы увидеть в расписании имя собеседницы.

– Итак, Анна Андреевна, – начал он, – что вас ко мне привело?

Женщина сидела, откинувшись на спинку кресла. Смотрела на Сергея. Казалось, изучала. Практически не курила, а просто держала дымящуюся в мундштуке сигарету. В ней было что-то манящее и недоступное. То, что невольно заставляет остановиться, застыть во времени и ощутить легкое опьянение от встречи с идеальным.

– Я думаю, мы с вами будем некоторое время работать вместе, так что обращайтесь ко мне просто Анна, – произнесла она.

– Вы имеете в виду, что я буду работать на вас? – попытался поправить ее Сергей.

Она слегка кашлянула после затяжки. Стряхнула с сигареты пепел в пепельницу на столе. Оперлась о подлокотник, слегка отклонившись в правую сторону. Сергей заметил белую полоску старого шрама на ее шее.

– Нет. – Клиентка посмотрела на него. Ее губы слегка дрогнули в улыбке. – Я буду именно работать с вами. Искать вместе с вами информацию. При необходимости участвовать в слежке. Или, – она слегка замялась, – какие еще там могут быть мероприятия. Да! – Анна повысила голос, как будто забыла самое важное. Достала сигарету из мундштука и погасила ее в пепельнице. – В разоблачении! Самое главное, в разоблачении. – Она направила вверх зажатый между пальцев длинный деревянный мундштук.

Сергей вздохнул. Он посмотрел ей прямо в глаза. Улыбнулся, стараясь придать улыбке заинтересованность. Детектив помнил, что в его ситуации клиент всегда прав, поэтому пренебрегать или снисходительно относиться к нему не стоит. Иначе средства к существованию прекратят свой денежный поток.

– Да, Анна. Я это и имел в виду. Именно ваше участие, ваша информация и помогут разоблачить вашего обидчика. – Он снова невольно обратил внимание на ее шрам.

Анна заметила его взгляд. Прикоснулась рукой к своей шее. Медленно закрыла и открыла глаза, улыбаясь. Она как будто соглашалась дать Сергею возможность поиграть с ней в опытного детектива – спасителя ее репутации, финансов и

семейного положения.

– Давайте его фотографии. Расскажите, сколько лет вы с ним вместе. Кто, на ваш взгляд, может быть виновницей его измен. Какие доказательства вам нужны для подтверждения этого факта. Ну и что вы с этим собираетесь делать, – стал задавать вопросы Сергей, предчувствуя рутину своих детективных будней. – Я имею в виду, что если у вас есть брачный контракт, в котором прописаны какие-то условия по адюльтеру, и вы будете разводиться и получать долю имущества, – нам нужно подготовить доказательную базу более тщательно. А если вы хотите просто припугнуть, пожурить или выставить вашего супруга в неблагоприятном свете, то мы можем это сделать менее затратным и для вас, и для меня способом. – Он снова улыбнулся, но на этот раз не смог скрыть снисходительности в движении губ.

– Вы меня не поняли, – сказала Анна, вновь откинувшись на спинку кресла, положив обе руки на подлокотники и расставив ноги. – Я не обманутая жена. Я вообще никогда не была замужем. Я не хочу ловить мужа-изменника. Мне не могут изменять.

Сергей напрягся. Он подумал, что проницательность его слегка подвела. Но тут же нашел оправдание. Свалил все на однообразие его нынешней работы.

– А что же тогда? – он пытался не выдать своего замешательства.

Теперь была очередь Анны показать, на чьей стороне иг-

ра.

– Я предлагаю вам вместе расследовать убийство, – сказала она серьезным тоном.

Сергей наклонился к ней, опершись на стол ладонями. Пристально посмотрел. Анна не отводила взгляда. Не моргала. Когда Сергей почувствовал, что его глаза увлажнились и веки готовы предательски сомкнуться, он надавил указательным и большим пальцами себе на глазные яблоки, потер переносицу и ответил:

– Нет. Этим занимается полиция. – Детектив демонстративно закрыл крышку ноутбука.

Анна вопросительно подняла брови и продолжала смотреть на него не мигая.

– Я не знаю, кто вам меня порекомендовал, – продолжал Сергей. – Моя лицензия не позволяет мне заниматься расследованием тяжких и особо тяжких преступлений, каким убийство и является, на всякий случай, если вы не знаете, – пояснил он. – Этим должна заниматься полиция.

Анна понимающе кивнула.

– Ну хорошо, не убийство.

Она наклонилась в сторону стола, положила локти на колени, скрестила пальцы и уткнулась в них подбородком.

– Это смерть близкого мне человека.

– Я вам сочувствую, но что я могу сделать в такой ситуации?

Анна как будто его не услышала.

– Смерть произошла давно, – продолжала она. – Дело об убийстве не возбудили.

– Тем более, – настаивал Сергей.

Женщина замолчала и уставилась на него своим немигающим взглядом. Детектив сидел, разведя руки в стороны. Он точно был не готов рисковать своей лицензией и лезть не в свое дело.

– Сергей, – заговорила Анна, – в нашем мире деньги – это второй мотивирующий фактор. Первый – это смерть. Убивать я вас не собираюсь. Я собираюсь вам очень хорошо заплатить.

Мужчина опешил. То ли оттого, что ему пытались угрожать. То ли из-за того, что его хотели проверить на жадность.

– Ну вы, Анна, даете, – выдохнул он. – Я прямо не знаю, что вам ответить. – Он постучал пальцами по столу.

Странная клиентка улыбнулась и медленно закивала головой, не сводя взгляда с мужчины.

– Знаете, Сережа, знаете. Вы готовы сказать мне: «Да, Анна». Вы не совсем уверены в этом по единственной причине. Вы не знаете суммы, которую я вам готова предложить.

Что-то в этих словах показалось Сергею обидным. Он не считал себя человеком, для которого деньги были самым важным в жизни. Да, он брал взятки. Так все берут. Он, кстати, за это еще и пострадал. Работы лишился. Да, у него завышенный прайс по сравнению с другими специалистами по выслеживанию неверных мужей и жен. Но что им мешает

установить такой же? Он считал, что неуверенность в своих силах. Так это не его проблемы. Если есть спрос, то должны быть разные предложения на рынке услуг. Он по большому счету хороший человек. Пользу людям приносил и приносит.

– Вы хороший человек, – как будто прочитала его мысли Анна. – Просто у нас у всех есть свои слабости. Иногда мы лишаемся из-за них работы, как вы, например. – Женщина явно заметила, как слегка прищурились глаза Сергея. – Иногда жизни, как близкий мне человек, – продолжала она. – И у меня тоже куча слабостей. Поэтому я предлагаю нам объединиться и сделать еще раз что-нибудь полезное в своей жизни. Выяснить причину смерти человека, которая произошла много лет назад. И если она была убита, то найти убийцу.

Сергей колебался.

– Ну а если все же это смерть по каким-то другим причинам? Тем более полиция не возбудила дело? – Он вдруг закашлялся.

Анна заняла прежнюю позу в кресле. Расслабленную и открытую.

– Я понимаю, о чем вы говорите, Сережа. Вы получите весь гонорар в любом случае.

Он еще раз задумался. Еще раз неторопливо постучал пальцами по столу. Посмотрел ей в глаза. Что-то еще раз прикинул в голове и согласился.

Глава 3

Лиза выскочила на улицу и нашла в телефоне номер своего друга Бориса. Она знала, что тот к ней неровно дышит и не откажет. «Отдохнуть, – думала она, – отдохнуть от всего этого. Как-то неправильно я начинаю свою жизнь. Или… продолжаю неправильно».

Она не переживала за сына. Лиза знала, что отчим все сделает верно. И накормит, и напоит, и спать уложит. Он был хорошим человеком. Тряпкой редкостной, но человеком хорошим. Безотказным. Наверное, за это и презираемым. Последнюю рубаху отдаст. Потому и ездили на нем все кому не лень.

Он был старше матери на четыре года. Прапорщик в местной части. Мать тогда рассталась с очередным бойфрендом и тосковала по мужскому началу. Потому маленькой Лизе часто перепадало за непорядок в доме, не вовремя приготовленный ужин, нестираное белье. Успехи в учебе мать не интересовали, хотя там было чем гордиться. Она считала, что второй класс – это не повод для гордости. А порядок в доме должен быть.

Лиза была рада в глубине души, когда мать устроилась санитаркой в санчасть и на второй день привела прапорщика домой. Девочка опасалась, что он свалит, как только слегка разберется в непростом характере матери. Зато Лиза знала,

что та на некоторое время оставит ее в покое.

На удивление, прапорщик не ушел ни через год, ни через два. А потом они с матерью расписались. Мать поставила условие, что будущий муж должен удочерить Лизу. И только на этих основаниях приняла тонкое золотое колечко.

Отчим прощал матери все. Она гуляла. Он даже знал, с кем и как. Врала про дежурства. Про дополнительные смены. Покупала себе новое белье. Приходила навеселе. Он всегда ее прощал. Ничего не высказывал. Волновался за нее очень. Потому все чаще употреблял горькую. Помогал Лизе по дому. А после выхода на заслуженную пенсию и вовсе взял на себя все домашние хлопоты. Боготворил свою жену. И пил.

Мать тоже не отставала. Только больше увлекалась вином. Гуляла в открытую. Лиза скандалила с ней. Отстаивала отчима. Но после понимала – отчиму это не надо. Он мать любил и такой. А может, потому, что она такая.

Благодаря отчиму Лиза стала рано понимать, что есть такой тип людей, которым для счастья необходимо страдание. Для них любовь – это прежде всего муки ревности, а близость должна нести боль. Они избегают комфорта, теплоты и искренности. Ищут подчинения, зависимости и обмана.

Три года назад мать узнала про диагноз. С тех пор Лиза тщательно следила за своим женским здоровьем. Наблюдалась регулярно.

Мать тогда ушла из дома. Она приняла решение дожить отпущенное ей время вдали от семьи. Однажды все проснu-

лись утром, а ее в доме не оказалось. На столе лежала записка с просьбой о прощении. Ее искали. Безуспешно. Через тринадцать месяцев пришло известие из одного уральского монастыря, что мать прожила там последнее время послушницей и отдала Богу душу. Была похоронена на монастырском кладбище по своему волеизъявлению.

Когда Лиза с отчимом стояли возле ее могилы, Лиза не плакала. А отчим рыдал.

Квартира досталась им пополам. Но разъезжаться родственники не стали. Лизе было удобно и ничего не хотелось менять. Отчиму было страшно, и он хотел оставить все как есть.

В год смерти матери Лиза поступила в институт. Сама. Без блата. На бюджетное отделение. Если бы не залетела тогда, все бы продолжалось бедно, но ровно. А теперь они жили в нищете, на отцовскую пенсию. Втроем. Жить можно, но сложно. Поэтому теперь Лиза решила взять академический отпуск и попытаться заработать денег. Любым способом.

Девушка хотела быстро убраться из своего района. Он, казалось, весь пропитан весенней грязью и нищетой. У нее не было денег на такси, только немного, на пиццу или курицу из кулинарии. На такси их тратить не хотелось. Автобус не появлялся. Подкатившая вишневая «пятерка» с кавказцем за рулем не вызвала в ней энтузиазма.

– Эй, красавица, давай подвэзу. Нэдорого возму, – заговорил джигит потрепанных лет, опустив стекло со стороны

переднего пассажира.

– Вали, бомбер. Денег нет, – Лиза отвернулась.

– Эй. Ты зачэм такая грубая? Я же тебе ничего плохого нэ сдэлал. Помощь прэдложил.

Лиза отвернулась и пошла по обочине в обратную сторону от машины.

– Что за люди эта молодежь? – беспомощно возмутился водитель. – Я ей в отцы ее отца гожусь, а она мне «валы отсюда». А, уеду я из этой страны. Бездомные собаки лучше друг с другом разговаривают. А-а-а. – Он нажал на педали, вывернул руль и резко тронулся с места.

Лиза повернулась и видела в темноте ночи, как фигура водителя жестикулировала в автомобиле, пока не скрылась за поворотом, словно спорила сама с собой, доказывала, что лучше родной земли ничего не бывает. Девушка почувствовала неловкость, что с ней редко случалось. Обычно она не стесняла себя чужими эмоциями.

На этот раз возле нее остановился седан «Ауди А4» красного цвета.

«Еще один, – подумала девушка, – но у этого хотя бы тачка».

Как и минутами ранее, переднее стекло опустилось, в салоне включился свет. За рулем сидела женщина лет тридцати пяти.

– Садись, подруга, подброшу.

Ничего особенного в ее голосе не было. Во внешности то-

же. Сорт монолица, с одинаковыми скулами, надбровными дугами и одутловатыми губами. Таких лиц стало полно на улицах городов с ростом кабинетов косметологии. Но Лизе тоже хотелось такое лицо. Оно автоматически переносило обладателя в верхние позиции среднего класса.

– Не стесняйся, – продолжала незнакомка, – я не кусаюсь.

– У меня денег нет, – ответила Лиза, стараясь слегка улыбаться и надеясь, что разговор на этом не закончится.

– А я и не просила, – добродушно сказала хозяйка «Ауди».

– И расплачиваться нечем.

Лиза постаралась придать лицу как можно больше наивности. Подняла бровки домиком и стала чаще моргать, как будто извиняясь.

– Меня Марина зовут. Садись.

Она щелкнула центральным замком.

Лиза села в авто. Было удобно и мягко. Марина нажала кнопку подогрева сиденья. Приятное тепло медленно разливалось по бедрам. Ощущение комфорта чуть-чуть пьянило и вызывало легкую зависть.

– А я Лиза.

– Куда едем, Лиза?

Девушка указала адрес Бориса. Марина нажала кнопку аудиосистемы, и по салону поплыл неспешный чиллаут. Сорок минут можно было наслаждаться дорогой. Ночным городом за окном. Иллюминацией. Лиза подумала, что тоже сможет когда-нибудь стать владелицей такого автомобиля. А

может, еще круче.

Она снова набрала своего приятеля.

– Да, Борь, привет еще раз… Ну, как договаривались… Хочу у тебя пожить… Он же неуемный, папаша мой… Сын… Да с ним сын… Достали они меня оба. Один пьет, другой орет день и ночь… Ничего, у него теперь стимул появится… Ты же знаешь, он человек-то хороший.

Все это время Марина слушала разговор, слегка улыбалась, слегка прищуривала глаза, слегка ухмылялась.

– Да, Бодичка, договорились. Я недолго. Пару недель. Целую. Э-э, что привезти? Нет? Ладно. До скорой. – Лиза убрала телефон.

– Если хочешь, кури. У меня можно, – услышала девушка голос Марины.

Марина нажала на кнопку стеклоподъемника. Окно открылось. Прохладный ветер начала мая дунул в лицо.

– Мои можешь взять. – Марина указала пальцем на пачку Vogue рядом с рукояткой автоматической передачи.

Лиза достала из кармана рюкзака свою пачку и зажигалку.

– Как хочешь.

Девушка курила неспешно. Затягивалась глубоко. Она пыталась догадаться, чем Марина занимается. Главное, зачем она пригласила к себе в авто. Наверняка неспроста. Позовет на панель? Может, стоит пойти? Если на панели можно подзаработать на подобную машину, то чем плоха такая работа?

– У тебя есть дети? – спросила Марина.

Лиза не ожидала этого вопроса.

– А ты откуда знаешь?

Марина хмыкнула.

– Подслушала только что.

– Ну да. Точно. Есть один. А с какой целью интересуешься? – подозрительно спросила Лиза.

– Да так. Просто выглядишь хорошо, – ответила Марина и пожала плечами.

Лиза задумалась. Она чиркнула зажигалкой. Окно уже было закрыто. Огонек горел. Пламя почти не колыхалось. Лиза смотрела на рыжее горячее пятно. Она ожидала продолжения разговора. Ей казалось, что встреча не случайна. Марина должна предложить ей что-то.

Огонь перегрел механизм зажигалки, и вращающий элемент выстрелил из пластмассового основания. Он отлетел в потолок, отрикошетил и попал Марине в правое бедро. Лиза вскрикнула от неожиданности. Марина поморщилась от боли, но продолжала вести машину.

– Черт! Извини! Я задумалась! Я не хотела. Правда, – торопливо оправдывалась Лиза.

Марина потерла ладонью поврежденную ногу.

– Ну вот. Придется платить. За обивку. За доставку. За ремонт и за колено. – Она говорила спокойно, тихо.

– Я же извинилась! У меня нет денег! Останови машину!

Девушка засуетилась.

Она попыталась на ходу открыть дверь, но центральный замок не позволил ей это сделать. Лиза вжалась в сиденье и сложила руки на коленях. Временами у нее что-то щелкало в сознании, и она вдруг воспринимала жизнь как какой-то фильм, в котором она просто играет роль. Возможно, не главную. Будто сидит в кинотеатре перед большим экраном. События разворачиваются сами собой. Все, что она может сделать, – это досмотреть кино до конца. Не нужно переживать. Происходящее – это не больше чем представление.

– Успокоилась? – мирно спросила Марина. – Ну и хорошо. Я пошутила. Ты нервная очень. Проблемы?

– Из дома ушла.

Лиза смотрела в ветровое стекло на огни фонарных столбов.

– Что ж так? Муж сволочь?

– Я про мужа ничего не говорила, – тихо ответила Лиза. – Муж ушел, – соврала она. – Задолбало все просто. Папаша. Ребенок.

– Ребенок тоже? – спросила Марина и повернулась к ней в полоборота.

– Особенно ребенок… Особенно задолбал, – почти шепотом ответила девушка.

Они добрались до нужного адреса. Дом почти на Садовом кольце. Старый. Советской эпохи.

– Давай поговорим.

Марина направила автомобиль и припарковалась на обо-

чине. Она заглушила двигатель, выключила музыку и включила свет в салоне. Повернулась к Лизе. Девушка сидела, не меняя позы. Марина взяла ее за руку. Лиза слегка отдернула ее, потом расслабилась.

– Что ты теперь собираешься делать?

Лиза посмотрела на Маринино восковое лицо. Сейчас оно не казалось ей привлекательным. Ни одной эмоции нельзя прочесть на таком лице. Все хорошо отформатировано, вычищено, симметрично, но безжизненно.

– Возьму академ. Денег хочу заработать. Потом доучусь.

– Ты учишься? Молодец! – Марина прикурила сигарету. Протянула пачку Лизе.

– На юрфаке. – Девушка посмотрела на протянутую пачку и отказалась. – Я не хочу.

– Понятно, – Марина выпустила в потолок струйку дыма с карамельным запахом. – Что будешь делать? На панель пойдешь? Или в ларек?

Лиза повернулась к водителю медленно, как бы раздумывая над вопросом. Посмотрела ей в лицо и ответила:

– Нет, ты знаешь. Не пойду. На панель. В ларек, думаю, тоже. Не для меня. Придумаю что-нибудь другое. Надо будет – украду.

Марина улыбнулась:

– Тоже мне, воровайка. Надо себя беречь. Много не украдешь. Специализация не та. Дурака не валяй.

– С товарищем посоветуюсь. Он умный. Подскажет, – от-

ветила Лиза и посмотрела в окно на высокую подъездную дверь.

– Богатый?

– Не уверена, – пожала плечами Лиза, – вон квартира в центре. – Она указала за окно. – Но это, похоже, все богатство.

– Ладно. Как знаешь. Проваливай. Твоя остановка, – шутя ответила Марина.

Лиза посмотрела на нее и почувствовала себя разочарованной. То ли ей. То ли собой. Может, зря она на панель не хочет? Открывая дверь, Лиза почувствовала руку Марины на своем плече.

– Постой, скажи мне. У тебя ребенок здоровый? У него все хорошо? Документы сможешь предоставить?

Лиза остановилась и медленно опустилась обратно в кресло.

– Тебе зачем?

Марина демонстративно засмеялась.

– Да это не мне. Это тебе нужно. Ты же хочешь заработать?

Лиза испугалась.

– Ты что, я на такое не пойду. Это же все-таки ребенок.

– На какое на «такое»? Ты сейчас о чем подумала?

Марина смотрела Лизе прямо в глаза. Лиза смутилась. Уставилась в пол. Стала терпеливо ждать, пока очередной приступ смеха закончится и продолжится разговор:

– Не понимаю, что я сказала смешного?

Марина резко прекратила смеяться. Как бывает, когда смех наигранный.

– Не сказала, – ответила она. – Просто вид у тебя такой, как будто ты малыша своего на органы продаешь.

– Да что ты несешь-то, дура?! – обиделась Лиза.

– Ладно, шучу я. Но вид у тебя и правда напуганный был. Скажи, подозрения такие были, а? О чем ты думаешь?

Она снова громко засмеялась. Лиза почувствовала издевку. Схватила свой рюкзак.

– Все. Пока. Я пошла. Спасибо за помощь.

– Ладно. Ладно. Успокоились. Подожди. – Марина стала серьезной. – Все проще. Не надо никого продавать. Ты что-нибудь слышала о суррогатных матерях?

Лиза вопросительно посмотрела на компаньонку:

– Что-то слышала, но не поняла, к чему ты спрашиваешь.

Марина выбросила окурок в окно щелчком пальцев и, выдохнув, снова наполнила салон карамельным дымом.

– Это когда ты вынашиваешь ребенка для других людей. За баблосы. Приличные деньги, между прочим. Тысяч двадцать получишь. Зелени. При этом никаких расходов на еду, шмотки и медицинскую поддержку у тебя не будет. Все оплачивает заказчик.

Марина широко открыла глаза, как будто ожидая положительного ответа. Лиза задумалась, но энтузиазм старалась подавить:

– Что такое суррогатное материнство, я знаю. Не дура. Но, мне кажется, это хуже, чем проституция. Не то чтобы я осуждала. Но как-то не по мне эта тема.

– Значит, проституцию ты осуждаешь. А чем тебе проституция не угодила-то, девочка моя? Смотрите на нее. Верх моральных качеств. Если клиент хороший, то и проституция – не самый худший способ жить. Эскорт называется. Но! Тебе я предлагаю другое. Тебе я предлагаю сделать людей счастливыми. Семейную пару. Это благородно. При этом не бескорыстно. За вознаграждение. Потому что любой хороший поступок должен быть награжден. Иначе хорошие поступки исчезнут, и жить станет грустно.

Сказав это, Марина манерно положила ладонь на рукоятку автоматической коробки передач.

Припаркованный на обочине проезжей части автомобиль сиял изнутри салонным светом. Две женские фигуры внутри. Одна постарше. Другая помоложе. Обе окутанные сигаретным дымом, словно пеленой облаков. Та, что за рулем, – видавшая виды, но сохранившая красоту и приумножившая опыт. Та, что со стороны пассажира, – молодая, но уже уставшая от безденежья и неспособности что-либо изменить в своей жизни. Обе понимали, что одна манипулирует, а другая готова поддаться искушению, но решение еще окончательно не приняла.

– Зачем тебе документы на ребенка? Какое он имеет отношение к ситуации? К вынашиванию, в смысле. Мне это не

нравится, – уже интересовалась подробностями Лиза.

Марина почувствовала, что близка к сделке.

– По правилам, – сказала она и простучала в такт словам по рулевому колесу ярким маникюром, – любая суррогатная мать должна быть повторнородящая. Ребенок ее должен быть здоров. Это позволяет предположить благополучное вынашивание следующей беременности. Косвенные улики, по-вашему, – так понятно? – Марина улыбнулась своей шутке про улики.

– Угу. Понятно, – размышляла Лиза вслух. – Но знаешь? Я на это пойти не готова. – Девушка резко открыла дверь и выскочила из машины. – Спасибо. Езжай! – хлопнула она дверью с обратной стороны.

– Ну и дура!

Марина знала: уговаривать придется не один день. Она бросила в открытое окно свою визитку с номером телефона. Автомобиль неспешно тронулся и так же поехал, медленно встраиваясь в левые полосы проспекта.

Лиза поджала губы и смотрела вслед уходящему автомобилю. Когда она решила, что будет не видна в зеркало заднего вида, подошла к месту, где лежала визитка. Наклонилась, отряхнула ее от кусочков мокрой грязи и положила в кармашек рюкзака.

Глава 4

Вечер за окнами офиса стал совсем темным. Сергей включил настольную лампу. Закрыл двери на ключ, чтобы охрана не беспокоила. Увеличил яркость прикрученных по стенам светильников. Снова открыл лэптоп и приготовился слушать Анну. Та сидела в кресле. Курила вторую сигарету и наблюдала за приготовлениями детектива. Иногда, зажав деревянный мундштук между зубов, она слегка покусывала его. Уходила в воспоминания. В такие моменты ее губы напрягались. Нервно подрагивали уголками, как будто отгоняя неприятные эмоции. Десятки раз, перед тем как прийти на встречу, она продумывала, как поведет беседу. Каждый раз считала, что нужно начать совсем с другого.

– Давайте вернемся к разговору, – прервал ее размышления Сергей.

Посетительница медленно перевела на него взгляд. Сергей видел, как ее глаза, подернутые пеленой задумчивости, за короткие секунды снова заблестели, спина выпрямилась, и она превратилась в прежнюю деловую Анну.

– Давайте, Сережа, – ответила она. – Я думаю, что начать нужно с гонорара. – Анна помолчала, убедилась, что не ошиблась, увидев вопрос на лице Сергея. – Да, да. Именно с него. Вам тогда сложнее будет отказаться от этой непростой задачи.

– Ну давайте так, – согласился Сергей. – Возможно, это правильный подход.

– Верьте мне Сережа. Люди, которые сначала называют вам сумму, а потом говорят о деле, – гораздо честнее второй половины человечества.

Мужчина развел руками, давая понять, что согласен.

– Я видела, что вы заметили шрам на моей шее. – Она посмотрела на него в ожидании подтверждения.

Сергей медленно кивнул.

– Он уже почти незаметен. Кроме тонкой белой полоски, которую можно принять за игру света, большинство ничего не видит. – Анна впервые за весь вечер взяла воду, открыла и сделала маленький глоток. – А вы заметили. Заострили свое внимание. Скажите, случайно?

Сергея серьезно заинтриговала эта женщина.

– Случайно? Наверное, да, но у меня не было никакого сомнения, что это шрам, – ответил он.

Анна едва качнула головой, словно подтвердив себе, что правильно сделала выбор и пришла к детективу.

– Это после операции. Ее сделали пятнадцать, ну, или около того, лет назад. – Она выпрямила пальцы правой руки, словно отгоняя неприятные события своей жизни. – У меня был рак щитовидной железы. Анапластическая карцинома. – Анна посмотрела на Сергея, как будто ожидала дополнительных вопросов.

Тот слушал молча.

– Очень редкая форма рака и очень злокачественная. Врачи не давали мне надежды. Но тогда я была молода, и мне предложили лечение. Комплексное. С радиоактивным йодом, химиотерапией и хирургическим вмешательством. Сначала я испугалась. Потом не хотела. Затем решилась. В общем, все как у всех. В конце концов через пять лет после постановки диагноза я услышала, что у меня стойкая ремиссия. Мой доктор был счастлив. Думаю, потому, что описал мой редкий случай не один раз в научных журналах. – Она хмыкнула и добавила: – Шучу.

Сергей поджал нижнюю губу. Слушал внимательно. Удивлялся, откуда такие силы в этой миниатюрной женщине. Он знал, что рак – штука не из простых. Многие даже отказываются от всякого лечения или бросают его на каком-то этапе, потому что для них оказывается умереть легче, чем это лечение перенести.

– А совсем недавно, – продолжала Анна, – у меня выявили метастазы в шейных лимфоузлах.

Сергей сочувственно посмотрел на женщину.

– И что теперь? – спросил он, не понимая, правильно ли делает, верные ли слова употребляет. – Снова лечиться?

Анна молча вставила еще одну сигарету в мундштук. Сначала глотнула из бутылки с водой. Потом прикурила.

– Нет, – ответила она, выпуская струйку дыма. – Больше никакого лечения. Я даже закурила на радостях. Все это время ни одной сигареты, а тут вышла от врача и купила себе

такой вот красивый мундштук. – Она протянула пальцы с зажатым мундштуком в сторону Сергея. Улыбнулась. – Оказалось, что очень соскучилась по табачному запаху и вкусу.

– Мне жаль, – ответил Сергей. – Но как я могу помочь в этой ситуации?

На лице Анны мгновенно появилась и исчезла легкая ухмылка.

– Скоростью, – ответила она. – Мне сразу сделали позитронно-эмиссионную томографию головного мозга. Были уверены – метастазы уже там. Но, к счастью, я еще жива. Никто не может сказать, сколько мне осталось. Прогнозы разные. А вероятность прожить больше нескольких месяцев у меня очень и очень мала. Да что там месяцев…

Сергей подумал, что сочувствует ей всем сердцем. Он даже готов был помочь ей материально или организовать хоспис по старым связям, но… Он неловко чувствовал себя в роли психотерапевта умирающей больной. И к этому был не готов. Никак не ожидал.

– Итак, мы о вознаграждении, – прервала поток его отчаянных мыслей Анна.

Сергей даже не понял, как это произошло. Мгновение назад он слушал ее рассказ, сочувствовал и не знал, что делать, а тут его возвращают на землю и предлагают заняться мирским. Его возвращают к гонорару за работу, которую он должен проделать для умирающей женщины. «А может, у нее уже метастазы в голове?» – подумал Сергей и машиналь-

но коснулся своего рта ладонью, чтобы не произнести фразу вслух.

Анна видела его замешательство.

– У меня есть дом, – сказала она. – За городом. Небольшой. Но уютный.

Сергей посмотрел на нее подозрительно. «Сейчас мне предложат дачный участок в товариществе огородников», – подумал он. Еще он заметил, как странно меняется его отношение к женщине напротив. Поначалу она ему показалась обычной женой при муже с деньгами, потом казалась хитрой и ушлой, затем несчастной, теперь сумасшедшей. «Не вызвать ли скорую, отлучившись отлить?» – размышлял он. Пусть врачи решают, в конце концов.

– Трус ты, Сережа. – Она снова словно читала его мысли. – Кадастровая стоимость этого небольшого дома два миллиона долларов в эквиваленте. – Анна заметила тень удивления на лице мужчины. – Возможно, это не решит все твои финансовые задачи на оставшуюся жизнь, хотя я не знаю твоих запросов, – настойчиво продолжала она. – Но я считаю это охренительным предложением. В Сбербанке не каждый топ-менеджер получает половину такой суммы за год.

Сергей заметил, что женщина перешла с ним на «ты».

– Да я не против, Анна, но ты, – он специально сделал паузу, – в смысле, вы… Я имею в виду, что все это, во-первых, неожиданно, во-вторых, странно. А почему не деньгами? Если подумать…

Анна широко улыбнулась и щелкнула пальцами. Ее глаза заблестели.

– Вот, вижу настоящего майора Серегу, – сказала она, улыбаясь. Даже привстала с кресла. – А то развесил тут слюни в сахаре.

Сергей в ответ поднялся со своего места. Он слабо верил в происходящее. Какой-то дом. Убийство. Онкобольная. Бред.

– Смотри сюда, – продолжила Анна. – Я просто подумала о тебе. Знаешь, сколько ты заплатишь налогов с такой суммы, если я тебе заплачу ее официально? Кстати, попробуй докажи, что твои услуги столько стоят. Да и некогда мне деньги тебе в чемодане везти, нет у меня столько наличных сразу и времени тоже нет. А дом я тебе отпишу по завещанию. Сядь! – указала она на его кресло.

– Как? – переспросил Сергей.

– В наследство получишь, – уже спокойно ответила Анна. – Заплатишь госпошлину по ставке ноль шесть процента, как не родственник, включенный в завещание, заверенное нотариально. Это порядка двенадцати тысяч долларов. Ну что, у тебя двенадцати тысяч нет? Ты же мент. Целый майор.

Анна замолчала.

– Был, – ответил Сергей. – Был мент.

Детектив подумал, что к двум миллионам долларов, при наличии хорошего продвижения по службе и с возможностью стать генералом, он бы подобрался годам к сорока. А может, и позже. И все это неофициально. Взятками. Услуга-

ми. Опять же междоусобная подковерная борьба между своими. Дележка. Порука. Бандиты далеко не на последнем месте. Он решил, что предложение хорошее, и пусть будет дом.

Глава 5

Консьержка привстала со стула и уставилась через стекло своей комнатушки. Ее губы шевелились. Подсчитывали количество петель на спицах в руках, побитых артритом. Лиза прошла мимо. Украдкой посмотрела в ее сторону. Она уже была в трех шагах от лифта, когда услышала громкий скрипучий голос:

– …Двадцать пять! Девочка, ты к кому?!

Лиза ускорила шаг и нажала на кнопку вызова лифта. Она не любила давать объяснения. К кому, куда? «Какое дело этим людям, куда и зачем я направляюсь?» – думала она. Вошла в лифт и снова услышала прежний вопрос, но уже с угрозами. Девушка поспешно надавила на цифру нужного этажа. Быстрые шаги прихрамывали в направлении лифта. Двери почти закрылись, когда появилось старушечье лицо.

– Я тебя запомнила! – прокричала консьержка. – Попадись еще раз!

Лиза поднималась в кабине и думала, что не представляет себя в старости. Вот такой сморщенной, злобной и везде сующей свой нос. Потом вдруг подумала, что она уже злобная. А старость еще нужно заслужить. А может, и не нужно вовсе. Зачем доживать до беспомощности? Чувствовать, как становится только хуже.

Девушка выскочила из лифта, когда двери почти закры-

лись на пятом этаже. Ей не очень-то хотелось к Борису, но выбора, к сожалению, не было.

«Неужели нельзя помыть двери?» – думала она в поисках звонка. Кнопку нажимать пришлось несколько раз.

– Привет, я уже спал, – не очень дружелюбно поздоровался ее товарищ.

При этом он картавил и гнусавил одновременно. Прятался за толстой оправой очков. Заикался слегка при волнении. А взволнован был постоянно.

Лиза познакомилась с ним на кафедре. Борис приходил туда как соискатель. Писал кандидатскую. Или до сих пор пишет. Девушка не интересовалась. Тогда в административное здание университета она пришла в первый раз. Искала кабинет декана первого курса.

– А вы не подскажете?.. – спросила Лиза, догнав его со спины.

Борис повернулся. У него был нелепый вид. Рыхловатое, бесформенное лицо. Выпяченная нижняя губа. Легкая беспомощность во взгляде слегка прищуренных глаз за тяжелыми линзами. Невозможно было представить его возраст. Может, двадцать, а может, и все сорок. Юноша и дедушка одновременно. Лиза не смогла сдержать улыбку. Борис заметил это. Насупился.

– Где деканат? – быстро продолжила вопрос девушка.

– А п-п… – выдавливал из себя Борис.

Лиза прыснула от смеха. Не удержалась. Сдерживать эмо-

ции, особенно чтобы никого не обидеть, она не умела. Потом, правда, могла почувствовать уколы совести, но не часто. В тот раз Борис молча развернулся в другую сторону и пошел быстрым шагом. Тогда это ее укололо. А может быть, она решила, что так навсегда останется без друзей и даже приятелей. Она засеменила в сторону Бориса.

– Вы простите меня. Неловко так получилось.

– Угу, – не поворачивая головы, ответил мужчина.

– Нет. Правда, я не со зла. Постойте же, – Лиза умела сделать вид, что искренне переживает.

Она схватила Бориса за плечо. Тот остановился, поднял на нее взгляд. Посмотрел со вздохом.

– Деканат тэ-там. – Он махнул рукой назад. – Пэ-прямо по коридору. Дальше на-направо.

Лиза подумала, что этот дядя с ноутбуком может ей пригодиться. Он просто готовый кандидат на безропотного воздыхателя. Такой никому не нужный книжный червь.

– А пригласите меня куда-нибудь сегодня вечером, – улыбнулась девушка, пытаясь пробиться через толстые линзы очков. Ну же?

Мужчина залился краской.

Они провели вечер в кафе. Ели тирамису и запивали горячим шоколадом. Борис разговорился. Перестал так сильно заикаться. Лиза тоже рассказывала о себе. Знала, что доверие можно вызвать, когда раскрываешься перед человеком. Потом такой человек, как Борис, будет чувствовать за те-

бя ответственность. Оберегать и помогать. А если удастся, то станет как ее отчим. Послушным, покорным, всепрощающим. Она не планировала вести Бориса дальше дружбы, но потренироваться нужно было. И ей это удавалось. Она понимала.

Позже она лучше узнала его. Он стал ассистентом на кафедре. Писал вторую кандидатскую. Первая была по экономике. Читал лекции. В лекционном зале он почти переставал заикаться. Превращался в оратора. Никто не замечал его картавости. Все слушали с восхищением. А он сам словно входил в состояние транса, завороженный своими знаниями и умением их подать. После лекции аудитория аплодировала. Тут он приходил в себя. Произносил, заикаясь: «Сэ-э-спасибо», – и молча, смущаясь, уходил за дверь аудитории. Студенты прозвали его Ленин. Он знал. Не возражал. А может, даже гордился.

Он был действительно ей очень полезен. Помогал с учебой. Что-то даже делал за нее полностью. Писал сообщения с пожеланием спокойной ночи. Иногда предлагал помочь деньгами. Но Лиза была гордой, хотела обеспечить себя сама. Чтобы не зависеть. Борис понимал, что зависеть от такого урода, как он, правда не стоит. На ее беременность он отреагировал точь-в-точь как отчим. Сказал: «Рожай, конечно». Правда, с тех пор перестал беспокоить эсэмэсками на ночь. Но ни разу не отказал в совете или помощи в университетской учебе. А когда у Лизы накипело, предложил ей

пожить у себя. Она давно с ним об этом говорила. Сегодня собралась с духом и набрала его номер.

Девушка вошла в квартиру и поискала место, куда поставить рюкзак. Было темно, обшарпанно и пыльно. В коридоре под высоким потолком висела тусклая лампочка с теплым светом. На ней паутина. Зеркало все в разводах и отпечатках ладоней. «Наверное, Борис опирается, когда надевает обувь, – подумала Лиза. – Зачем ему еще зеркало, не на себя же смотреть?»

Она поставила рюкзак на тумбочку. Старалась оставить его в вертикальном положении, чтобы сильно не запачкать пылью. Потом подняла, отряхнула. Снова поставила.

Борис посмотрел на девушку, медленно поднимая взгляд по красивым ногам, короткой юбке, и, наконец, добрался до лица в броском макияже.

– Такой по г-городу ходить ночью не стоит. Могут унести в другую сторону, – нараспев произнес он, как произносят заикающиеся люди, чтобы сгладить дефект речи.

– Мой остроумный Бодичка. Я тоже рада тебя видеть. Я пройду? – затараторила девушка. – Послушай, а у тебя есть тапочки? Как-то страшно мне на твой пол становиться босыми ножками.

Борис вздохнул. Он понимал свою роль в жизни Лизы и никогда не претендовал на большее. Посмотрел на пол в сторону обувной полки.

– А тапочки, если мы их найдем, тебе не страшно будет

надевать на свои босые ножки? Тем более они не босые, ты ведь в колготках? – спросил Борис после коротких поисков и поправил очки.

Лиза улыбнулась.

– И то правда, дорогой друг. А ты шутить не разучился. – Девушка разулась и сделала пару шагов, оставив влажные следы на полу. – У тебя не квартира, а сортир какой-то. Даром что в центре. Ты не пробовал иногда мыть полы? Или с двумя высшими образованиями можно и грязью зарасти?

– Я все равно грязь не вижу, – ответил мужчина. – Нужно бы присматриваться чаще. И шутить я не шучу. У меня мышление такое. Соображаю не быстро.

– Зато основательно. – Лиза погладила его по щеке. – Мне надо было свои тапочки взять. Ты не виноват.

Она обратила внимание на потрепанную, окрашенную несколькими слоями облупившейся белой краски деревянную дверь справа от входной. У двери были две металлические проушины, на которых висел большой амбарный замок.

– Боря, ты с ума сошел. У тебя что, сарай в доме? – кивнула она в сторону двери.

Он посмотрел, куда указала девушка.

– А, э-это. Там бумажные наработки по будущей диссертации, – сказал он, смешно потирая нос. – Воруют в научном мире не меньше, чем в госкорпорациях. А может, и больше.

Лиза хихикнула:

– Сейчас же все в компьютере, ты серьезно думаешь, что

кому-то нужно обнести твою квартиру, чтобы забрать твои исследования?

Борис вздохнул, как будто разговаривал с человеком, которому очень сложно что-то объяснить:

– В компьютере, подруга, все зашифровано и запаролено. Любой хакер вскроет. А здесь, – он указал рукой на дверь, – куча д-дел, судеб, же-жизней. Пусть лучше будут под настоящим замком.

Лиза пожала плечами:

– Я думала, все это в архивах. Как, кстати, твоя диссертация продвигается? Может, пройдем? Или ты меня дальше коридора не пустишь? – завалила вопросами девушка.

Борис понимал, что до его диссертации Лизе нет никакого дела. Он хмыкнул:

– Пущу. Жить будешь в комнате. Завтра веду семинар на кафедре. Уйду утром, тебя будить не буду.

– Добрый ты, друг. Так мы пройдем все-таки в комнату?

Он кивнул. Открыл дверь. За ней все было скромно. Раскрытый диван. Чистая постель, которая не вписывалась в обстановку своей белизной. Невскрытая бутылка с водой возле дивана. Даже телевизор на четырехлапом столе. Им давно не пользовались, судя по слою пыли на экране.

Лиза огляделась.

– Н-да. Начало новой жизни. – Она присела на диван. – А ты где спать будешь?

– Тут. С тобой, конечно.

Лиза нахмурилась.

– Подожди, друг Бодичка, мы так не договаривались.

Борис без тени улыбки ответил:

– Теперь была шутка. Сплю я на кухне. Телевизор не включай. Все равно не работает. Завтра уйду. Оставлю компьютер. Можешь в нем посидеть. А сейчас спи.

Лиза его поблагодарила мысленно.

– А душ? Бодичка, можно мне принять душ перед сном?

– Нет, – ответил он кратко и закрыл за собой дверь.

Лиза подумала, что ей стоит вести себя менее вызывающе. Перестать кокетничать. До добра не доведет.

Дверь открылась снова.

– Просто воды нет. Там прорвало что-то. Завтра с утра обещали запустить. А попить, вон, если что, – Борис указал рукой на бутылку около дивана. – Да, в туалете ванна наполнена и ведро стоит, – добавил он.

– Спасибо, – ответила Лиза.

Дверь закрылась. Лиза подумала, что Борис не пожелал ей спокойной ночи. Она не раздевалась. Просто свернулась калачиком, поджав под себя ноги. Оставила свет включенным. Подумала, что все непросто, но утро вечера мудренее. Завтра нужно будет сделать что-нибудь приятное для Бориса. И не наглеть сильно.

Глава 6

– Хорошо, – ответил Сергей с сомнением. – Допустим, меня устраивает такой способ оплаты…

– И такая сумма, – перебила Анна.

Сергей закивал головой в знак согласия, достал карандаш из канцелярской подставки на краю стола и стал постукивать им по левому указательному пальцу.

– У меня вопрос. – Он замолчал, выжидая ответного хода.

Анна спокойно сидела в кресле. Она была готова к любым вопросам. Теперь она знала, как вести беседу с бывшим майором. Возможно, она сама была такой в тридцать лет. Пробивной. Считала деньги свободой. Стремилась к ним. Была бесстрашной, когда подворачивался удобный случай их добыть. Была уверенной, что удача всегда рядом и ее не оставит.

– А почему я? – прервал затянувшуюся паузу Сергей.

Анна улыбнулась, как будто знала вопрос заранее. Она положила ногу на ногу. Слегка подвигалась в кресле, словно примеряя, насколько удобно в нем сидеть. Поискала глазами часы в кабинете. Нашла их на стене справа. Часы висели так, чтобы на них можно было незаметно бросить взгляд как хозяину офиса, так и клиенту, напомнив о том, что время – деньги.

– Сегодня тебе придется задержаться дольше обычного.

Нас ждет долгий разговор, – сказала она и, не ожидая согласия со стороны Сергея, продолжила: – Я начну издалека и разложу все по полочкам так, чтобы у тебя не осталось ни одного вопроса.

– Хорошо. Хорошо, – ответил детектив, подталкивая Анну к рассказу.

– В середине восьмидесятых, – начала Анна, – мне было что-то около двадцати.

Сергей посмотрел на нее с недоверием.

– Я не совсем понял, а сколько вам сейчас? – уточнил он.

По лицу Анны было видно, что она сталкивается с подобным вопросом очень часто и ее утомляет всем знакомая игра обмена репликами, набившими оскомину каждой женщине, которая выглядит моложе своих биологических лет. Тем не менее она повторила устоявшийся ритуал.

– А сколько дашь? – спросила она.

– Ну, лет сорок, максимум сорок пять. Но это максимум, – поправил себя Сергей.

– Пятьдесят четыре, почти пятьдесят пять, – ответила она.

– Не может быть. Не то чтобы я хорошо разбирался в возрасте, но мне кажется…

– Я поняла, – перебила Анна.

Наверное, в этом диалоге порядок вопросов и ответов у нее не меняется за долгие годы жизни, меняются лишь цифры. Они увеличиваются. Но расстояние между ними всегда одно и то же. Даже во время болезни это было так.

– Не думаю, что я доживу до своего полуюбилея, – сказала она обыденно, видимо, свыклась с этой мыслью. – Так что давай вернемся к нашему делу. Вот его бы хотелось завершить к тому важному моменту.

– Я весь внимание, – отбросив карандаш и подняв руки жестом побежденного, быстро ответил Сергей.

– В общем, я попала в тюрьму. На зону, я имею в виду. Сначала на шесть лет, потом мне добавили еще три.

Сергей знал много таких историй. Вся его предыдущая зрелая жизнь так или иначе была связана с уголовкой. Через него проходили бывшие или будущие заключенные. У каждого свое дело. Своя судьба. Одна другой извилистее. Но у всех имелось нечто общее – неровные это были люди. Какая-то черта в их характере, а может и не одна, проявлялась сильнее, чем остальные. Где-то это помогало им по жизни, а чаще приводило к нему в кабинет. Потом дальше по этапу. Иногда он думал, что сам был из таких: если бы не форма, то вполне мог сидеть по ту сторону стола в комнате дознания.

– А за что? – спросил он машинально.

Анна не хотела об этом рассказывать:

– Торговала не тем товаром, не в том месте и не с теми людьми. Это не суть, – ушла она от вопроса. – Главное, что я была беременна. И… – Она на секунду замолчала. – Сразу скажу, отец ребенка не знал об этом. И никогда не узнал. Он был хорошим человеком. Старше меня лет на двадцать с гаком. Семья, машина, дача, двое детей моего тогдашнего

возраста. Он не представлял себе, чем я занималась. Когда меня взяли, я и не думала его беспокоить.

Она достала новую сигарету. В офисе стало прохладно оттого, что отопление уже не подавали, а ночи еще не успели набраться тепла. Да еще часть окна была открыта, чтобы выпускать табачный дым на улицу.

Слушая рассказ женщины, Сергей подумал: почему он стал следователем? Почему пошел в эту профессию? Не выбрал какую-то другую. К примеру, не занялся бизнесом. Строительством. Или не обучился маркетингу и не стал работать в какой-нибудь крупной компании по продвижению чего-то куда-то. Денег было бы достаточно. Работа без рисков для жизни. Взятки, опять же, по другой схеме – не то что не докажешь, а с трудом поймаешь, если все по-умному. Зачем ему нужна была это гремучая смесь из жизни, полной абсурдных поступков, грязи, жести, а порой и крови человеческих взаимоотношений?

Анна долго возилась, прикуривая. Наверное, давала себе передышку от тяжелых воспоминаний. Несколько раз чиркала зажигалкой, пока та не вспыхнула ярким оранжевым пламенем. Пару раз подносила ее к сигарете. Потому что та сразу не загорелась. И вот на конце сигареты появилось ровное рубиновое пятнышко, мерцающее в полумраке комнаты. Женщина прокашлялась после первой затяжки.

– Честно говоря, – продолжала Анна, – в тюрьме я провела несколько месяцев. Первый раз. Все очень нервно. Страшно.

Агрессивно. Я не придала значения отсутствию месячных. И меня никто не осматривал в СИЗО. Только потом, полгода спустя, мою беременность подтвердил гинеколог на зоне. К тому времени ее не заметил бы только слепой.

Анна, скорее всего, понимала, что рассказывает какие-то лишние подробности, но ей вдруг захотелось выговориться. Раньше она ни с кем не делилась своей историей. Никому не рассказывала о своей жизни. Возможно, считала, что это неинтересно людям, которые ее окружали. А возможно, не хотела показаться слабой. Чем меньше говоришь кому-то о личном, тем более осторожное к тебе отношение. Зачастую это дает много преимуществ.

– Рожала я под конвоем в отделении местной районной больницы, – снова заговорила Анна. – Потом меня вернули на зону. Вместе с детьми.

– Детьми? – переспросил Сергей.

– Я сказала «детьми», потому что родила двойню.

Она заметила удивленный взгляд Сергея, и уголки ее губ едва опустились, словно в подтверждение сказанного.

– Да, это оказалось неожиданно для всех. Врачи не определили. Наблюдение в условиях зоновского медпункта было примитивным. Раз в месяц фельдшерица спрашивала: «Что болит?» Получала ответ: «Ничего». Делала запись в карте и отправляла обратно. Нас таких несколько человек было. Кто-то старше, кто-то помоложе. Работать не заставляли. Разрешали гулять по территории и даже ложиться на постель

в дневное время.

Анна достала из сумочки салфетки и шмыгнула носом. Сергей подумал, что она сейчас заплачет. Но женщина вытащила пару белых платков из пластиковой упаковки. Тщательно протерла ладони и бросила скомканные бумажки прямиком в корзину, которая стояла у стола.

– Ладони мокрые, – пояснила она. – Это все из-за болезни. Постоянные перепады температуры. – Женщина прерывисто вздохнула. – Разговорчивой еще стала.

Сергей помнил про два миллиона. Сочувствовал как мог и не торопил Анну вслух. Лишь украдкой бросил взгляд на часы в правом углу экрана ноутбука и снова повернулся к ней.

– А дальше? – спросил он.

Анна набрала воздух в легкие:

– Дальше? Дальше я обрадовалась. Во-первых, я могла регулярно посещать ясли на территории колонии. Во-вторых, сохранялся облегченный режим. В-третьих, я подумала, что это мой шанс на спасение. Я смогу выйти условно-досрочно.

– Но не получилось, – продолжил ее слова Сергей.

Анна кивнула.

– Да, – четко произнесла она, – пожалуй, это единственное, что у меня не получилось. Я тогда повздорила с охранницей. – Она медленно втянула дым через мундштук. Выдохнула клубком табачное облако, и то повисло на несколько секунд в пространстве кабинета. Сжала губы. Потом цокнула

языком. – Когда она запускала нас к детям, а моим было уже почти по три года, она крикнула, что мы можем проходить к нашим упырям.

Сергей хмыкнул. Анна посмотрела в его серые глаза. Хмыкнула в ответ.

– Да, ты прав, Сережа. Я тогда не в сказку попала. В понятные отношения озлобленных и затравленных людей как по ту, так и по эту сторону колючей проволоки. Это сейчас я бы подумала много раз, перед тем как что-то сказать. А тогда я считала, что через пару лет условная свобода ждет меня гарантированно и досрочно.

– И что произошло? – спросил Сергей.

Он уже будто слушал аудиокнигу, которая подходила к кульминации событий.

Анна затушила сигарету. Положила мундштук на стол.

– Я назвала ее сукой. Думала, матерой уже была. Почти три года отсидела. Уверена была, что с рук сойдет. Но не сошло. Охранница вытащила меня из строя. Я ее пыталась оттолкнуть. Естественно, была скручена подмогой и на два дня отправлена в штрафной изолятор. Мне добавили еще три года к сроку за нападение на сотрудника охраны. Показательно. А детей отдали государству. Наверняка причина была не во мне. Такие перебранки случались со всеми. Просто стечение обстоятельств. Может быть, приказ какой получили из центра об усилении дисциплины.

Сейчас, в полумраке прокуренного кабинета, Сергей

смотрел на эту женщину и видел в ней старуху. Он решил, что все из-за освещения. А потом подумал о том, что говорить о себе многое не нужно. Иначе, размышлял он точь-в-точь как его клиентка, осторожное отношение со стороны окружающих может превратиться в скоропалительные выводы и неправильные суждения. Даже внешность твоя может показаться искаженной и уродливой. Словно в кривом зеркале.

– Значит, прямые наследники все же есть? – спросил Сергей, чтобы прервать поток своих мыслей об этой женщине.

– Думаю, нет, – ответила Анна. – Еще после года в колонии я написала отказ от родительских прав.

– Зачем? – спросил мужчина.

– У меня была жива мать. Мы с ней изредка переписывались. У нас сложились натянутые отношения. Или хуже. Она предложила усыновить моих детей. Я должна была отказаться от родительских прав, – сказала Анна.

Сергей возмутился:

– Но это же бред! Она могла взять опеку. Совсем не обязательно отказываться от детей.

– Я не знаю. – Анна вздохнула. – В смысле, я знаю, что можно. Но это было условием. Ее условием. Мне тоже так казалось удобно. Я подписала.

– Понимаю, – кивнул Сергей.

Анна думала, Сергей врет и никакого понимания к ее словам и чувствам он не испытывает. Это просто слова, чтобы

не упустить клиента. Она знала, что главная движущая сила у таких людей, как этот частный сыщик, деньги. У большинства людей так. Умных и не очень. Добрых и злых. Хитрых и простаков. Все стремятся к деньгам. Кто-то их зарабатывает, кто-то добывает, кто-то ждет, а у кого-то они просто есть по факту. Влюбленные ссорятся из-за денег. Враги мирятся благодаря деньгам. Преданность и предательство лимитируются деньгами. И чем раньше поймешь закон денег, тем успешней и счастливей будешь.

Она сама такая. Была. Пока в первый раз не услышала свой диагноз – рак. Остановилась. Задумалась. Поняла, что деньги ей помогут, но сражаться за нее с болезнью не будут. «А если это конец?» – простой вопрос, с которым человек сталкивается по-настоящему один раз в жизни. Смерть ее отпустила на целый десяток лет. Но вопрос-то жил с ней все это время. Не давал ей покоя. Она понимала, что с собой ничего не заберет. Здесь оставит. Но кому? Прошагала по миру. Собрала капитал. Жизнь прошла. Позади оставленные, обманутые, обиженные. Рядом – удобные, потому что молчаливые и безропотные. Но им до тебя нет никакого дела. Умирать уже не страшно. Страшно от пустоты на душе, и смерть ждешь, как избавление от этой адской пустоты.

Глава 7

Плотные шторы на окнах не пропускали утренний свет. Лиза проснулась в той же позе, что и легла вчера вечером. Она открыла глаза, и реальность вернулась грудой переживаний. Она долго не шевелилась. Ей хотелось побыть еще немного вдали от событий, происходивших с ней. Наконец она спустила ноги на пол. Приотворила двери в комнату. Выглянула. В квартире было тихо. Дверь в ванную комнату открыта. Лиза взяла рюкзак и прошла с ним к раковине.

Она долго стояла под душем. Тщательно намыливалась, ждала, что вода освежит. Растворит ее трудности и смоет в отверстие ванны. Легче не стало.

Вытираясь, она смотрела на свое отражение в маленьком зеркале с трещиной посередине. Трещина разделяла ее лицо пополам. Одна половина освещалась. Другая была в тени. «Я бы хотела быть доброй и всех любить, но не получается», – думала Лиза.

На кухонном столе стояли банка растворимого кофе, полная сахарница и лежал закрытый лэптоп. Кофе она выпила. Покурила. К ноутбуку не потянулась. Девушка помнила, когда скандалы с матерью становились невыносимыми и мозг взрывался, она бралась за половую тряпку и натирала квартиру до блеска. Руками. Сейчас ее мозг кипел.

К вечеру квартира изменилась до неузнаваемости. Даже

входные двери с наружной стороны приобрели вполне приличный вид.

Лиза сидела за столом. Прихлебывала кофе. Больше в доме ничего не было. По лэптопу перемещались объявления о работе. Лиза не знала, куда себя применить. Она не собиралась посвятить себя месячной зарплате в двенадцать тысяч рублей. За пятнадцать тысяч нужен был опыт работы не менее трех лет. Это не зависело от того, чем собираешься заниматься: быть продавцом в магазине, кассиром в банке или помощницей адвоката. Все зарабатывали одинаково, несмотря на образование.

Она не заметила, как перешла на чтение статей о суррогатном материнстве. Оказалось, что этим занимаются уважаемые медцентры и агентства. Предлагают неплохое вознаграждение. Но все же меньше, чем предлагала Марина. Интересно, почему?

Лиза нашла ее карточку в кармашке рюкзака. Набрала в поисковике интернета телефон. Выпавшие на экране страницы не дали результата.

Раздался звук поворота ключа. Лиза видела из кухни, как вошел Борис. Он держал сверток под мышкой. Белый полиэтиленовый пакет. На согнутой руке у него были две большие коробки с пиццей. Она встала, закрыла ноутбук и подошла к нему, улыбаясь.

– Хм… Н-не думал, что ты сумеешь прибраться в комнате. – Борис отдал большие коробки. – Осторожно, не разро-

няй.

Лиза поправила его:

– Не в комнате, мой дорогой друг, а в квартире. Посмотри, какая чистота. – Она развела руками.

Борис разулся, поправил очки и прошел на кухню. Он разглядывал преобразившуюся обстановку с нескрываемым удовольствием.

– Теперь поживу в чистоте. А у меня для тебя подарок. – Он протянул Лизе белый сверток. – Держи.

Девушка развернула пакет. Там лежали тапки. Серые, матерчатые. На сантиметровой резиновой подошве. Совершенно обычные.

– Они, когда сложены вдвое, похожи на крысу, – оценила Лиза. – Но все равно спасибо. Теперь, кстати, по полу можно и босиком ходить.

Девушка поцеловала Бориса в щеку.

Борис кивнул:

– Давай есть пиццу. Она еще горячая.

Лиза открыла коробки, пока Борис ходил в ванную комнату.

– А зачем ты сам-то ее тащил? Пиццу. Курьеров отменили, что ли? – крикнула ему девушка.

Борис, вытирая руки полотенцем, вернулся на кухню.

– Курьеров? А чем я хуже курьера?

Она налила ему кофе в кружку. Положила сахар. Помешала. Борис наблюдал за этим молча, потом сказал:

– Я не ем сахар. Я его специально купил для тебя, в тот день, когда ты звонила.

Лиза подвинула чашку к себе ближе и молча налила вторую.

– А теперь?

– Ты все-таки решила уйти в академ? – Он отхлебнул тихо из чашки и поморщился – Горячий.

Лиза подняла глаза к потолку, откусила пиццу и стала яростно ее разжевывать.

– Я не могу больше терпеть, Боря. Меня достала такая жизнь. – Она глотала куски, разговаривала с набитым ртом, яростно жестикулировала. – Что тебе рассказывать? Ты сам все знаешь. Тысячу раз рассказывала.

Борис покрутил в пальцах треугольник итальянского фастфуда и аккуратно положил его обратно в коробку.

– Думаешь, так просто все? Ушла в академ, и деньги упали с неба. Это же все какие-то отговорки. Про «денег нет», – пояснил он. – Сыта, одета, обута. У тебя же сын! Теперь это самое главное. – Борис смотрел на нее через толстые стекла своих очков.

Лиза была не готова к такому разговору. Она отложила кусок и поставила на стол кружку. Сглотнула. Посмотрела на Бориса.

– Бодичка. Я не такая. Я как раз о сыне и думаю. Я люблю его. По-своему, конечно, но люблю. Мне просто очень мало лет, и я не готова с ним сидеть сутками.

– Тем более. Сейчас учись. Ты же неглупая. Тебе осталось четыре года. А дальше подумай. Карьера. Все-таки юрист – это юрист. Куда ты сейчас пойдешь? Полы мыть? У тебя здорово получается.

Лиза достала лэптоп со стола. Повернулась к Боре. Задала вопрос:

– Ты слышал о суррогатном материнстве?

Борис смотрел на нее и думал, шутит она или нет.

– Да, Боря, да, – продолжала воодушевленно девушка. – Суррогатное материнство. Вот что принесет мне денег на первое время. В интернете предлагают от десяти тысяч. Долларов, конечно, – пояснила Лиза. – А девушка, которую я встретила по дороге к тебе, предлагала двадцать. Ты представляешь? Даже двадцать пять. Это же какие деньжищи! Я вернусь к сыну, и можно будет еще долго не думать о деньгах. Если жить скромно.

– Девушка? – переспросил Борис. – Какая девушка?

– Ну вот, ты опять меня не хочешь услышать. Я же тебе про бизнес говорю. А ты мне про девушку, – серьезно ответила Лиза и положила локоть на плечо Бориса.

– Теперь это называется бизнесом? Ты себя слышишь? Рэрожать детей – это теперь бизнес? – волнуясь, спросил мужчина и посмотрел на ее ладонь, небрежно свисавшую слева от его лица.

Лиза сделала вид, что обиделась. Поджала губу. Отстранилась и убрала руку.

– А что? Чем этот бизнес плох? Чем он не такой, как все остальные? Ты приносишь пользу людям, которые в ней нуждаются. Представь себе, что пара хочет, но не может иметь детей. Почему им не помочь? Не сделать их счастливыми? – повторяла Лиза слова Марины как мантру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.